
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

**ОТ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА
К МЕТОДОЛОГИИ ПСИХОЛОГИИ
(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. А. ПОНОМАРЕВА)¹**

© 2011 г. Д. В. Ушаков*, С. С. Белова**, Е. А. Валуева***

**Доктор психологических наук, зав. лабораторией психологии
и психофизиологии творчества Учреждения Российской академии наук
Института психологии РАН, Москва*

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник Учреждения Российской Академии наук
Института психологии РАН, зав. лабораторией МГППУ, Москва;
e-mail:sbelova@gmail.com*

****Кандидат психологических наук, научный сотрудник Учреждения Российской Академии наук
Института психологии РАН, ведущий научный сотрудник МГППУ, Москва;
e-mail:ekval@mail.ru*

25 декабря 2010 года исполнилось бы 90 лет замечательному российскому психологу Якову Александровичу Пономареву, автору оригинальной общепсихологической концепции и основателю научной школы.

Я.А. Пономарев родился в 1920 году в г. Вичуга Ивановской области. Его отец, Александр Васильевич, происходил из ивановских промышленников. Мать, Мария Николаевна Покровская – из московских дворян. По сведениям Википедии, дед ученого, врач Н. Покровский, стал прообразом профессора Преображенского в книге “Собачье сердце” своего родственника (тоже врача) М. Булгакова.

А.В. Пономарев работал, как мы бы сейчас сказали, финансовым директором на предприятии, принадлежавшем его родственникам. До революции семья была хорошо обеспечена. Яков, родившийся после революции, был младшим ребенком в семье, и на его долю не выпало того же достатка, как троим его старшим братьям и сестре.

В 1926-м году семья переехала из Ивановской области в Мытищи. Отец устроился главным бухгалтером на комбинат искусственного волокна.

Выдающиеся способности будущего ученого уже в школе не были тайной, причем проявлялись они не только в учебе, но и спорте. Юный Яков Пономарев имел первый разряд по шахматам и боксу, полупрофессионально играл в футбол. В

1939-м году, преодолев конкурс в 20 человек на место, он поступил на философский факультет лучшего советского гуманитарного вуза того времени – Всесоюзного института философии, литературы и истории (ВИФЛИ). Успех был тем более ценным, что среди поступивших Яков был единственным не комсомольцем. Другом его первых студенческих дней стал А.А. Зиновьев, впоследствии один из наиболее крупных отечественных философов.

Что же впереди? Успех в науке и блестящая карьера ученого? Судьба, к несчастью, послала тяжелые испытания. Прочитать в ВИФЛИ удалось месяц и 28 дней. В связи с начавшейся финской войной студентов забрали в армию. После финской была еще более страшная Отечественная война. В июне 1941 года часть, где служил радиотелеграфист Я.А. Пономарев, находилась на территории Литвы, недалеко от границы СССР. Наступление немцев было стремительным, часть оказалась в окружении. В августе 1941 г., пытаясь выйти из окружения, Я.А. Пономарев попал в плен.

Яков Александрович был освобожден только в 1945 году наступающими советскими войсками. Он прошел обязательную в то время проверку и был направлен на службу в артиллерийский полк.

Бог знает, что пришлось вынести в немецком плену будущему ученому. Отношение к пленным было бесчеловечным. Яков Александрович редко говорил об этом времени, но оно, безусловно, наложило отпечаток на всю его последующую

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 08-06-00410-а).

жизнь. Это и тот страшный экзистенциальный опыт, который сподвиг В. Франкла на создание его психотерапевтического направления, и стигма бывшего военнопленного, которая означала подозрительное отношение на всю оставшуюся жизнь (последнее послужило причиной того, что позднее один из самых талантливых выпускников МГУ Я.А. Пономарев, уже зарекомендовавший себя работой фактически мирового уровня, смог получить лишь место экскурсовода в Уголке Дурова. Да и позднее, уже после смерти Сталина, он никогда не занимал административных постов, не заведовал даже лабораторией или кафедрой).

Эти страшные годы, несомненно, послужили основой особой жизненной мудрости Якова Александровича, который в зрелый период жизни при всей внешней жизнерадостности, склонности к шутке и балагурству оставался как бы отрешенным, имеющим за душой нечто большее, что позволяло ему быть вне рамок разворачивающейся ситуации.

Удивительно, что сразу после демобилизации, в 1946 году, Яков Александрович смог продолжить учебу. Сегодня много и справедливо говорят о том, что учебу в институте нельзя прерывать на службу в армии: теряются знания, умственные навыки и мотивация. А тут – семь лет войны, плена, мучений... Остается только удивляться интеллектуальному потенциалу этого человека.

ВИФЛИ во время войны был закрыт, и Я.А. Пономарев поступил в Московский университет на философский факультет, отделение психологии. Уже на пятом курсе он сделал работу, которая стала классикой отечественной психологии: *исследование влияния подсказки на решение задачи “4 точки”*.

Изучив задачу с подсказкой, Я.А. Пономарев попытался посмотреть на проблему шире и выяснить, как опыт, образующийся при решении одной задачи, влияет на решение другой. Здесь он открыл феномен, которому дал название *неоднородности результата действия*. Теория, созданная Я.А. Пономаревым на раннем этапе его творчества, сводится к следующим основным тезисам.

1. Есть определенный пласт человеческого опыта, который недоступен для произвольного запроса со стороны субъекта, однако реально существует, в чем можно убедиться, если найти к нему адекватный ключ. Этот опыт Я.А. Пономарев называл интуитивным.

2. Ключ к интуитивному опыту находится на уровне действия, т.е. человек может использовать

свою интуицию, пытаясь проделать какое-либо действие. Тогда интуитивный опыт может проявиться, руководя действиями субъекта. Недаром живописцы иногда говорят, что стремятся дать волю своей руке, не направлять ее.

3. Формирование логического и интуитивного опыта происходит в действии. То, что относится к цели действия, образует сознательный, логический опыт. Интуитивный же опыт формируется помимо сознательной цели действия.

4. Люди могут функционировать в различных режимах. В хорошо осознанном логическом режиме они не имеют доступа к своему интуитивному опыту. Если же в своих действиях они опираются на интуитивный опыт, то они не могут осуществлять сознательный контроль и рефлексию своих действий.

Совокупность этих положений, выверенных в изобретательных экспериментах Якова Александровича, составила основу оригинальной концепции творческого мышления, во многом опередившей свое время. Лишь существенно позже некоторые из приведенных положений теории Я.А. Пономарева были “переоткрыты” А. Ребером в его теории имплицитного научения, и только относительно недавно американская психология творчества, в основном усилиями К. Мартиндейла, подошла к пониманию роли интуиции и логики в творчестве, используя при этом, правда, совсем иную терминологию.

Научные достижения, однако, не повлекли за собой адекватного повышения социального статуса молодого ученого со сложной биографией. Окончив с отличием МГУ, Яков Александрович не получил распределения в аспирантуру, на научную или преподавательскую работу, а стал старшим экскурсоводом в Уголке Дурова. Впрочем, не теряя времени даром, он наблюдал за животными, водил в Уголок своих друзей-психологов, пользовался случаем для решения научных вопросов. Однако пребывание в немецком плену все время висело дамокловым мечом – в 1956-м году Яков Александрович был уволен из Уголка Дурова.

Лишь прошедший XX съезд КПСС, ознаменовавший начало хрущевской “оттепели”, помог избежать худших последствий и найти, правда, лишь через год, новую работу. Работу желанную и очень интересную – редактором в издательстве “Педагогика”. Надо сказать, что в советское время в условиях жесткой цензуры должность редактора была наделена особыми полномочиями. Редактор имел право принимать или не принимать, пропускать или не пропускать работу. Будучи в

течение четырех лет редактором, Яков Александрович общался с самыми крупными советскими психологами того времени. В частности, на этой работе он познакомился с Б.Г. Ананьевым и Б.Ф. Ломовым, редактировал труды А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна. В 1960 г. ему удалось издать свою первую книгу “Психология творческого мышления”, отразившую теорию творческого мышления, которая была создана на первом этапе творчества ученого.

Когда представляешь себе в целом научный путь Я.А. Пономарева, вспоминаются слова Р. Декарта из его “Рассуждения о методе”: “Что касается меня, то, если раньше я и открыл несколько научных истин ..., могу сказать, что они суть всего лишь следствия и выводы из пяти или шести преодоленных мною главных затруднений, победу над которыми я рассматриваю как сражение, где счастье было на моей стороне”². Судьба Я.А. Пономарева в науке – это тоже несколько центральных открытий, каждое из которых привело к многочисленным следствиям. Если первые победы Якова Александровича были связаны с открытием феномена неоднородности психического отражения на основании разработанных им остроумных экспериментов, то следующий успех был достигнут на другом поле сражения – в области проблемы развития интеллекта.

В 1961 году Я.А. Пономарев наконец-то получает свою первую собственно научно-исследовательскую должность. Он переходит на работу в Институт психологии АПН СССР (ныне – Психологический институт РАО) в возглавляемую Д.Б. Элькониным, а затем В.В. Давыдовым лабораторию младшего школьного возраста.

В этой лаборатории перед Яковом Александровичем встала новая научная задача – размышлять не о мышлении вообще, а о мышлении в связи с его возрастными характеристиками, онтогенезом. Я.А. Пономарев с энтузиазмом взялся за решение этой задачи, и новый крупный результат не замедлил появиться. В основу исследований умственного развития он положил идею, согласно которой сущность мышления заключается в создании умственных моделей объектов и действию с этими моделями. Отсюда делается логический шаг – умственное развитие ребенка понимается как развитие способности действовать в уме. Можно показать, что независимо от Пиаже Я.А. Пономарев развил теорию, которая по логике научного движения, посылам и выводам в значительной

степени аналогична построениям швейцарского ученого.

В 1967 г. итоги исследований умственного развития подводятся Яковом Александровичем в книге “Знание, мышление и умственное развитие”. В этом же году он выпустил еще одну замечательную книгу – “Психика и интуиция”.

После Института психологии Яков Александрович еще два раза менял место работы, пока не нашел надежную научную пристань. В 1967 году он перешел в Институт истории естествознания и техники АН СССР в возглавляемый М.Г. Ярошевским сектор.

Постепенно жизнь Якова Александровича стала спокойнее и обеспеченнее. Рос его авторитет. В Институте психологии АН СССР, куда он пришел в 1973 году, Я.А. Пономарев оказался в уважительной творческой атмосфере. Долгие годы он делил комнату на третьем этаже здания Института на Ярославской улице с Андреем Владимировичем Брушлинским, в ту пору – старшим научным сотрудником, а позднее – директором Института. Между учеными были замечательные взаимоотношения, полные интеллигентного юмора, иногда – иронии, но всегда – уважения.

Дружеские узы связывали Якова Александровича и с учеными из других учреждений – А.М. Матюшкиным, Ф.А. Сохиным, бывшим его начальником В.В. Давыдовым, философом Э.В. Ильенковым, приятелем первых студенческих лет А.А. Зиновьевым.

Надежным тылом стала семья – жена Анна Александровна и сын Саша.

Яков Александрович был разносторонним человеком – он хорошо рисовал, сочинял стихи, писал научно-фантастический роман.

На основе теорий творческого мышления и умственного развития Я.А. Пономарев приступил к разработке крупной общепсихологической теории. В 1972 г. в канун защиты докторской диссертации Яков Александрович выдвигает принцип “этапы-уровни-ступени” (ЭУС). Если быть кратким, суть этого принципа состоит в том, что этапы онтогенетического развития психологического механизма мышления (шире – деятельности) запечатлеваются в этом механизме в качестве его структурных уровней и проявляются в виде ступеней решения задач. На основе этого принципа разворачивается целостная общепсихологическая концепция, создается особый научный язык. Язык Я.А. Пономарева – структурно-уровневый. Он основан на понимании психики как одного из уровней во всеобщей взаимосвязи явлений при-

² Декарт Р. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 289.

роды. Уровни – понятие, относящееся не только к функционированию системы, но и к развитию – в этом, возможно, наиболее привлекательный для Якова Александровича аспект проблемы, одна из главных причин тяготения к уровневой концепции. Согласно сложившимся к середине XX века представлениям об эволюции мира, структуры формировались в направлении от более простых к более сложным. Появляется, таким образом, некая единая шкала, по которой можно сравнивать внутреннее строение объектов и эволюционный прогресс. Подобно тому, как в составе крови животные до сих пор несут частицы архаического земного моря, так и в организации нашего поведения древние структуры играют свою особую роль, подчиняясь при этом более новым структурам, занимающим высшие ступени иерархии.

Предложенный Яковом Александровичем принцип частично напоминает известное геккелевское понятие рекапитуляции. Однако здесь имеется в виду не совсем то, что существо в онтогенезе “пробегает” этапы филогенетического развития, как эмбрион человека, подобный на разных этапах развития низшим формам животных. Речь идет о том, что нижележащие структуры сохраняются в более высоко организованных существах и функционируют, хотя их функционирование организовано уже в филогенетически более новые структуры.

Структурно-уровневая концепция Я.А. Пономарева рисует целостную картину человеческой психики, поэтому не может не указывать места феномена сознания в ее структуре. Эта концепция не может также признавать сознание нематериальным, т.е. выпадающим из причинно-следственных цепей материального мира, подобно Декартовой душе, разрывающей эти цепи и начинающей новые путем сотрясения шишковидной железы. В связи с этим Яков Александрович со всей страстностью обрушивается на точку зрения, признающую психику идеальной, и даже на носителей этой точки зрения.

Для того чтобы вписать сознание в структурно-уровневую картину мира, необходимо рассматривать его не как идеальное, а как один из структурных уровней организации мира, то есть как материальный объект, взаимодействующий с другими объектами. Яков Александрович вводит здесь принцип “двухаспектности отражения”. Психическое отражение он предлагает рассматривать в двух планах: как отношение отражающего к отражаемому и как отношение отражающего к его субстрату. Первое отношение является идеальным, второе – материальным. Например,

портрет Ломоносова в идеальном плане отражает свой прообраз – великого русского ученого, однако при этом является вполне материальным как совокупность элементов красящего вещества на холсте. Подобно этому, психика как отражение мира идеальна, но вполне материальна в плане механизмов, осуществляющих это отражение. Механизмы психического отражения представляют собой сложные материальные системы, вписывающиеся в структурно-уровневую картину мира выше биологического уровня, но ниже социального.

У Якова Александровича появляется сквозная тема, особенно крепнущая к его поздним работам, которая может быть обозначена с помощью его собственного метафорического выражения: “разное, но не делимое скальпелем”. Разным (в теории) является, например, биологическое, психологическое и социальное, однако внутри человека они не могут быть разделены. Различение их необходимо для построения последовательной теории, однако оно не делит систему по частям: разные аспекты захватывают одни и те же элементы материальной системы, но в разных их значениях и связях.

Мышление нельзя анализировать вкуче с его содержанием, однако как элементы поведения человека или материального субстрата этого поведения (например, мозга) способность к мышлению и его содержание неразделимы. В сложной системе качества как бы перерезают пространственно-временные отношения. Один и тот же элемент системы одним своим действием реализует различные пласты отношений, которые оказываются относящимися к совершенно разным уровням анализа и различными по филогенетическому происхождению.

Развитие Я.А. Пономаревым принципа ЭУС привело в его поздних работах к глубокой эволюции всей мировоззренческой стороны его концепции. Акцент со структурно-уровневого строения стал перемещаться к двухполюсной организации взаимодействующих систем как более общему случаю. Как и восточный символ Инь-Ян, ЭУС означает двуполюсность мира, единство противоположностей, их взаимопроникновение и борьбу. Структурные уровни организации живых систем, эволюционное развитие неорганической материи и жизни выступают наряду с пространством и временем, веществом и полем и т.д. двумя полюсами организации Мироздания. Психологические феномены – логика и интуиция, цель и побочный продукт, внутренний и внешний план деятельнос-

ти – оказываются вписанными в эту двухполюсную структуру, находят там свое место.

В фундаментальной книге “Психология творчества” (1976) находит отражение общепсихологическая система Я.А. Пономарева, возведенная на основе принципа ЭУС. Однако работа на этом не заканчивается, а перемещается в иную плоскость. Я.А. Пономарев начинает изучать развитие научного знания на материале психологии, используя при этом принципы, извлеченные им при изучении развития мышления у детей. Такой же путь прошел и Пиаже, хотя работы великого швейцарца в этой сфере не были переведены на русский тогда (как не переведены они до сих пор) и не были известны Я.А. Пономареву.

Я.А. Пономарев выделяет шесть основных этапов развития научного знания, соответствующих этапам онтогенеза психологического механизма поведения. Соответствие между научным знанием и интеллектом ребенка проведено через аналогию оппозиций “теория–практика” и “внутренний план действия – внешнее действие”. Подобно тому, как в начальный период жизни ребенка внутренний план действия не вычленен из внешних действий, в период зарождения науки теория не отделена от практики, Я.А. Пономарев говорит в этом случае о “прапрактике”.

Генетико-эпистемологический подход, содержащийся в работах Ж. Пиаже и Я.А. Пономарева, находится в оппозиции по отношению к традиционному взгляду на науку. Согласно традиционному взгляду, наука на протяжении истории подчиняется определенным закономерностям, например, сменам парадигм в виде научных революций. Научное знание, следовательно, меняется, однако эта эволюция и даже революции не приводят к смене типов мышления. Г. Галилей и И. Ньютон не так представляли себе физическую картину мира так, как А. Пуанкаре или А. Эйнштейн, однако принципы, описывающие физику времен галилеевской и релятивистской революций, остаются неизменными. Генетико-эпистемологический подход ставит эту посылку под сомнение. Меняется сам тип знания, степень связанности понятий с конструктивной деятельностью научного сознания для Ж. Пиаже или отношения идеальных теоретических моделей с практикой для Я.А. Пономарева. Другими словами, речь идет о том, изменяются ли только знания или сами механизмы порождения знаний, меняются ли в ходе развития науки механизмы ее функционирования. Наиболее принципиальная идея генетического подхода сводится к тому, что функционирование науки нужно рассматривать

не как константу, а как функцию ее зрелости. Тем самым как направление в методологии науки генетическая эпистемология противостоит таким подходам, как логический позитивизм, критический реализм К. Поппера или теория научных революций Т. Куна.

Надо сказать, что генетический подход не встретил радостного приема у логиков и историков науки. Даже могучего авторитета Ж. Пиаже и ресурсов его Женевского центра не хватило на то, чтобы сделать из генетической эпистемологии серьезную альтернативу иным, агенетическим подходам к науке. Не оказали серьезного влияния на науковедов и работы Я.А. Пономарева.

В соответствии с принципом ЭУС пройденные этапы не исчезают, а трансформируются в структурные уровни организации зрелого научного знания. Эта идея также принципиально отличает эпистемологическую картину науки, созданную Яковом Александровичем. Различные типы структурные уровни знания сосуществуют, как Я.А. Пономарев показывает на материале психологии творчества. Шести этапам развития он ставит в соответствие три структурных уровня научного знания. Идею структурно-уровневой организации Я.А. Пономарев относит ко второму типу знания, а третьему, высшему, принадлежит знание, упорядочивающее эмпирически выявляемые связи в соответствии с теоретическим принципом, каковым может выступать принцип ЭУС. Таким образом, работы по научному знанию приводят как бы к самозамыканию концепции Я.А. Пономарева, как когда-то у Гегеля: в своей картине научного знания Яков Александрович указывает место для своих собственных психологических воззрений. Я.А. Пономарев был не просто ученым, а мыслителем, строителем мировоззренческой системы в том смысле, что додумывал идеи до логического предела и стремился свести концы. В книге “Методологическое введение в психологию” (1983) отражен этот этап размышлений Якова Александровича.

В 1990-е годы для российской науки наступили тяжелые времена. Не только нищенское финансирование в условиях катастрофического роста цен, но и потеря интереса власти к завтрашнему дню, к перспективам страны, который только один и может оправдать поддержку науки, торжествующая коррупция привели к депрессивным настроениям научного сообщества. Молодые уходили из науки – уезжали за границу или находили применение своим способностям в бизнесе. Старшему поколению было труднее. Яков Александрович, как всегда, внешне был сдержан, однако тяжело

переживал это время. Об этом говорит сохранившееся в его архиве сатирическое стихотворение “Царь Борис”.

Авторитет главного научного сотрудника Института психологии РАН профессора Я.А. Пономарева был очень высок, он был удостоен звания “Заслуженный деятель науки РФ”, был избран почетным членом Российской академии образования. Работа продолжалась. Последние годы, омраченные тяжелой болезнью, были посвящены работе над итоговой книгой с оптимистическим названием “Перспективы развития психологии творчества”. В феврале 1997 г. Якова Александровича не стало. В 1998-м разразился финансовый кризис, и “стореги” финансы, предназначавшиеся для издания книги. Затем испортился компьютер, на котором был набран текст, а экземпляры рукописи куда-то затерялись...

Все же справедливость в этом случае восторжествовала, память о Якове Александровиче и уважение его учеников оказались сильнее обстоятельств. С 2003 г. в Институте психологии РАН работает лаборатория психологии и психофизиологии творчества, развивающая идеи Якова Александровича. Осенью 2005 г. Институт психологии РАН провел большую международную конференцию “Творчество: взгляд с разных сторон”, посвященную 85-летию со дня рождения Я.А. Пономарева, где в докладах как на русском, так и на английском языке обсуждался вклад ученого в исследование проблем творчества. В конце 2006 г. вышла фундаментальная книга “Психология творчества. Школа Я.А. Пономарева”, которая помимо работ учеников и коллег Якова Александровича содержит и его собственную монографию “Перспективы развития психологии творчества”, один из экземпляров рукописи которой удалось все-таки найти. В 2010 г. прошли две крупные конференции, посвященные 90-летию ученого: Всероссийская научная конференция “Психология творчества: наследие Я.А. Пономарева и современные исследования” в Перми, а также Всероссийская научная конференция “Психологические исследования интеллекта и творчества” в Москве на базе Института психологии РАН. Последняя посвящалась памяти Я.А. Пономарева и другого выдающегося ученого – В.Н. Дружинина. Была переиздана книга “Психика и интуиция”, выпущены два серьезных сборника работ, приуроченных к конференциям.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что Я.А. Пономарев был одним из наиболее крупных представителей поколения отечественных психологов, начавших деятельность в послевоенный

период и полностью развернувших свои идеи в 1960–80-х гг. Представители этого поколения, по предложению В.А. Кольцовой, могут быть названы “неоклассиками”. По сравнению со своими учителями, принадлежавшими к поколению советских классиков, неоклассики оказались в других социально-культурных условиях и решали существенно иные задачи. В постсталинский период открылось поле для неангажированного теоретизирования. Становился все более существенным “зазор”, в пространстве которого теоретические разработки могли опираться не только на положения классиков марксизма, но и на идеологически нейтральные теоретические построения. Стала допускаться самостоятельная ценность научной теории, не сводимая ни к быстрому получению практического результата, ни к идеологическому пафосу. Некоторые научные разработки стали рассматриваться как идеологически нейтральные, т.е. не вытекающие непосредственно из учения К. Маркса, но и не антимарксистские.

Интенсивно развивалось понимание сложности, многоступенчатости здания науки и ключевой роли в нем теорий среднего уровня, которые связаны как с высшим, мировоззренческим, так и с низовым, практико-эмпирическим уровнями через специальные, дополнительные разработки, теоретико-методологические в первом случае и прикладные – во втором. Пожалуй, именно создание теорий среднего уровня было главным полем деятельности поколения неоклассиков. Слово “средний” в определении этого уровня не должно вводить в заблуждение: это наиболее высокий уровень, на котором теория еще является “фальсифицируемой”, далее на мировоззренческом уровне вступают в действие иные факторы принятия или выбраковки теории. Теории среднего уровня строятся на базе обширной фактологии, это не один-два эксперимента, а целая область, разработанная сообществом исследователей за многие годы, а скорее – десятилетия. Развитие теорий среднего уровня означает понимание того факта, что серьезные прикладные результаты возможны лишь на основе большой теоретической работы. Выход в практику по результатам одного и даже нескольких исследований оказывается достаточно скромным, поэтому нужны многие циклы работ, чтобы их практические результаты оказались существенными на серьезном, стратегическом уровне.

Настоящие теории среднего уровня могут быть только идеологически неангажированными. Принципом их принятия или отвержения является лишь способность к объяснению и предсказанию

фактов и закономерностей. Их авторы, произнося, порой с явной помощью редакторов, ритуальные фразы о тех или иных положениях марксизма, переходят к аргументации, которая является идеологически нейтральной и апеллирует к реальным фактам.

Поколение неоклассиков в отечественной психологии утверждает уважение к фактам как основе научных построений. Современная логика науки много говорит о том, что понятие факта не имеет в науке абсолютного значения: факт зависит от наблюдателя, от средств анализа действительности и т.д. Это все, безусловно, справедливо. Однако внутри одной существующей научной традиции полное уважение к фактам, полученным на основании честно исполненных и считающихся адекватными процедур, является необходимым условием нормального функционирования эмпирической науки, имеющей теоретические и эмпирические основания. В работах неоклассиков на новый уровень поднимается эксперимент и многие другие методы сбора первичных данных, развиваются разнообразные их формы и связи с теоретическими построениями.

Утвердившись в сфере теории среднего уровня, некоторые неоклассики стали совершать выходы на высший, мировоззренческий уровень, который по-прежнему оставался в ведении лишь избранных психологов. Так, Я.А. Пономарев вынес на методологический уровень психологии такие идеологически нейтральные понятия, как структурно-уровневая организация, развитие систем за счет образования побочного продукта, принцип “этапы-уровни-ступени” и другие. Впрочем, идеологически нейтральным построением был и системный подход, обоснованный в “западной” науке, но развитый в советской психологии как эффективный инструмент, вполне совместимый с марксизмом. Таким образом, важнейшим результатом деятельности поколения неоклассиков является существенное преобразование ими методологического уровня психологической науки.

Еще один аспект решения сверхзадачи, стоявшей перед неоклассиками, заключался в повышении общественной роли психологии через развитие стратегически важных областей психологической практики. Вторая мировая война стала периодом принципиально нового осмысления общественной роли психологии не только в нашей стране, но и во всем мире. Так, на развитие психологических исследований в США большое влияние оказал Д. Гилфорд, который в качестве руководителя психологов в Вооруженных силах развивал активную деятельность в сфере профес-

сионального подбора и подготовки кадров. Затем на посту президента Американской психологической ассоциации он серьезно повлиял на развитие исследований способностей и творчества. Следует отметить, что именно Д. Гилфорд – человек, реально отвечавший именно за практическую работу психологов в США, стимулировал научные исследования той самой проблемы творчества, в разработку которой так много душевных сил и таланта вложил Я.А. Пономарев. Для советской психологии приобщение к решению стратегических государственных вопросов в послевоенный период во многом было связано с космическими программами, приоритетными для государства и в то же время нуждавшимися в учете человеческого, в частности, психологического фактора.

В целом поколение неоклассиков отечественной психологической науки получило шанс вывести психологию на новый уровень. Опираясь на систему понятий и идеи предшественников, совершенствуя их, а иногда и противореча, это поколение закладывало основы новой отечественной психологии. Именно этому поколению удалось выполнить важнейшую задачу, с которой по объективным историческим причинам не смогли справиться предшественники, – ввести психологию в систему академических наук.

Включение психологической науки в Академию не могло пройти без признания важности фундаментальных результатов нашей науки, самостоятельности ее предмета, специфичности и адекватности методов исследования и т.д. со стороны академического сообщества, состоящего из наиболее видных представителей других областей науки и техники. Такая широкая и эффективная поддержка при образовании Института психологии АН СССР действительно была: физиолог П.К. Анохин, философ В.П. Кузьмин, космонавт Г.К. Береговой, кибернетик А.И. Берг и многие другие оказали существенную помощь основателю Института профессору Б.Ф. Ломову.

Однако эта поддержка была основана на той большой научной и организационной работе, которую провели психологи к началу 1970-х годов в направлении развития междисциплинарных связей и решения комплексных практических задач стратегического характера. Психология должна была доказать, во-первых, свою научную респектабельность, во-вторых, стратегическое значение для развития науки и общества в целом. Это удалось сделать во многом благодаря деятельности поколения неоклассиков, придавших новое лицо теоретическому облику психологии и открывше-

му многие новые области ее практического стратегического применения.

Конечно, научная деятельность этого поколения психологов не сводится только к работе академического института. Институт психологии РАН имеет сегодня большую историю, в которой оставили свой след представители многих поколений. В то же время поколение неоклассиков занимает в истории Института особое место, поскольку именно на их долю выпало основание научных школ и формирование традиций, которые активно развиваются сегодня. Научные школы, сложившиеся в Институте психологии РАН, уходят корнями в деятельность именно поколения неоклассиков, но в новых, снова радикально изменившихся условиях исследователи – представители разных поколений интенсивно ведут теоретическую работу и эмпирические поиски, осуществляют профессиональную подготовку психологов и практическое внедрение полученных результатов и т.д.

Научные школы рассматриваются науковедами как характерная особенность отечественной науки. Они являются результатом личного общения нескольких поколений ученых, работающих в

течение длительного периода времени в одном учреждении или имеющих другие институциональные основания для постоянных контактов. В рамках школы происходит передача и поддержание научных традиций не только за счет печатных текстов, но и живого опыта общения. Следует отметить, что длительная совместная работа нескольких поколений ученых отличает отечественную модель науки, например, от американской или немецкой моделей, предполагающих обязательную смену места работы ученым в процессе развития научной карьеры. Несомненно, научные школы сыграли чрезвычайно важную роль в смягчении последствий организационно-финансового кризиса, постигшего российскую науку в 1990-е годы. Именно научная культура, сложившаяся в рамках ведущих советских научных школ, позволила формировать новые кадры, которые, хотя полностью и не устраняли, но смягчали последствия массовой внутренней и внешней миграции ученых.

Среди других школ отечественной психологии достойное место заняла и школа Я.А. Пономарева, выдающегося ученого и замечательного человека.